

П.П. Суворов

Записки о прошлом

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.П. Суворов**
Записки о прошлом / П.П. Суворов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
304 с.

ISBN 978-5-518-01615-6

ISBN 978-5-518-01615-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСКИ О ПРОШЛОМЪ.

Вмѣсто предисловія.

Воспоминанія и записки о жизни гениальныхъ людей читаются нами съ особеннымъ, весьма понятнымъ интересомъ. Гениальные люди сохраняютъ въ себѣ типичныя черты вѣка, затрогиваютъ лучшія стороны нашей души, волнуютъ нашъ нравственный міръ, наконецъ, оставляютъ въ немъ навсегда свои высокія идеи. Другое дѣло, воспоминанія людей обыкновенныхъ. Они могутъ интересовать читателя: характеристикой того времени, которое описывается въ воспоминаніяхъ, тѣми общественными событіями, которыхъ касаются воспоминанія, и личными впечатлѣніями самого автора.

Предлагаемыя читателю записки—составляютъ результатъ жизненныхъ впечатлѣній ихъ автора въ теченіе слишкомъ сорокалѣтняго періода. Такой періодъ знаменателенъ не только для единичной человѣческой жизни, но и для цѣлаго государства. Четыре смѣны поколѣнія отражаютъ послѣдовательно измѣненія идей, воспитанія, привычекъ, обычаевъ всего общества. Возьмите двухъ интеллигентныхъ лицъ сороковыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, заставьте ихъ разсуждать между собою, хотя объ основныхъ принципахъ бытія, и вы уясните себѣ все фунда-

ментальное различіе между эпохами, отдѣляемыми одна отъ другой нѣсколькими поколѣніями.

Если читатель найдетъ въ моихъ запискахъ приблизительно вѣрное изображеніе общественныхъ событій, личностей и картинъ въ извѣстные годы, если онъ задумается надъ ними въ часы досуга, то, значить, трудъ мой не пропадетъ даромъ и я и читатель не останемся другъ другу чужими.

ГЛАВА I.

Мое дѣтство.

Мое рожденіе.—Родъ Суворовыхъ и родъ Кудрявцевыхъ.—Дѣдушка Григорій Петровичъ.—Его поздняя любовь и таинственная смерть.—Шуранскій замокъ.—Преданіе о немъ.—Первые годы дѣтства.—Переѣздъ изъ Лаишева въ деревню.—Жизнь въ ней и въ пансіонѣ.—Холера и казанскіе пожары въ 1848 году.—Открытіе памятника Державину.—Разбойники Быковъ и Чайкинъ.—Прокуроръ Гавріиль Ильичъ Солнцевъ.—Черты изъ его жизни.—Княгиня Ен—ева, генераль П. А. Пѣхтинъ.—Тетушка Прасковья Егоровна.—Дядька мой Гаврила.—Его сказки.—Отѣздъ въ Кадетскій корпусъ.

Я родился въ 1839 году. Этотъ годъ, сколько помнится мнѣ, замѣчательнъ въ жизни Россіи присоединеніемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ униатовъ къ Православной церкви. Мѣстомъ рожденія моего былъ городъ Лаишевъ, Казанской губерніи. Онъ расположенъ на берегу многоводной рѣки Камы. Ея царственная ширина, сливающаяся съ далекимъ небосклономъ, ея голубыя волны, катящіяся плавно въ необъятное пространство, были первыми предметами моей дѣтской привязанности.

Мои родители принадлежали къ кореннымъ дворянамъ Лаишевскаго уѣзда. Родъ со стороны отца, по семейнымъ документамъ, является въ Россіи въ концѣ XVI вѣка. Предокъ нашъ пріѣхалъ въ Польшу изъ Швеціи въ свитѣ Сигизмунда III. Потомки его поселились въ Смоленской губерніи, а позже разошлись по другимъ областямъ. Пра-

дѣдъ моего отца, Яковъ Павловичъ Суворовъ, сидѣлъ въ 1686 году воеводой на Осѣ, которая нынѣ составляетъ часть Пермской губерніи. Всѣ Суворовы, включительно до меня, состояли въ военной службѣ. Отецъ мой, будучи уже офицеромъ, участвовалъ въ войнѣ 1812 года и раненъ въ грудь пулей подъ Островной, близъ Витебска. Это было первое сраженіе Русскихъ съ Французами при входѣ послѣднихъ въ Россію. Нашими войсками командовалъ графъ Остерманъ-Толстой. Имя и фамилія отца занесены на одну изъ мраморныхъ досокъ Храма Спасителя.

Мать моя, по женской линіи, изъ рода Кудрявцевыхъ. Ея прадѣдъ былъ извѣстенъ по Пугачевскому бунту. Генераль-майоръ, Нефедій Никитовичъ Кудрявцевъ убитъ взбунтовавшеюся чернью въ Казани, на паперти Дѣвичьяго монастыря въ 1774 году. Въ то время ему было за сто лѣтъ. Его внукъ, Яковъ Яковлевичъ, дѣдъ моей матери, въ минуты гибели старика, чтимаго Екатериною Второй, находился вмѣстѣ съ нимъ въ церкви. Спасеніемъ жизни молодой Кудрявцевъ обязанъ находчивости своего дядьки. Когда народъ кинулся на генерала, дядька силой оттолкнулъ отъ толпы юнаго барина и провель его чрезъ тайные монастырскіе ходы.

Я смутно помню отца моей матери, Григорія Петровича Дембровскаго. По нѣмецкимъ, французскимъ и латинскимъ книгамъ, сохранившимся въ нашей библіотекѣ, съ отмѣтками дѣдушки на поляхъ, видно, что это былъ человекъ глубоко-образованный, не даромъ путешествовавшій по Европѣ. Находясь въ отставкѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, онъ проживалъ близъ Лаишева, въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ имѣній, въ селѣ Полянкѣ. Недалеко отъ этого села возвышался на крутомъ берегу Камы Шуранскій замокъ, также принадлежавшій дѣдушкѣ.

О Шуранѣ сохранилось нѣсколько таинственныхъ и любопытныхъ рассказовъ. Одинъ изъ нихъ послужилъ темою

для повѣсти «Латникъ» извѣстному писателю Марлинскому,—другой для моей юношеской поэмы «Нарманскій». Бабушка моя помнила Шуранъ въ его старинномъ, феодальномъ видѣ. То было громадное зданіе, въ нѣсколько десятковъ комнатъ, съ двумя длинными боковыми флигелями. Его окружали высокія каменные стѣны, по уступамъ которыхъ чернѣли длинныя пушки. Божій храмъ находился посрединѣ двора. Въ такомъ видѣ замокъ перешелъ во владѣніе нашего родственника Петра Андреевича Нармацкаго, какъ говорятъ, потомка Нормандскихъ герцоговъ *). Онъ былъ женатъ на княжнѣ Волконской, имѣлъ до семи тысячъ душъ крестьянъ и наводилъ страхъ на окрестное населеніе своей широкою, шумною жизнью. Его пиры, его буйныя разѣзды на охоты подробно описаны въ моей поэмѣ. Мать моей матери видѣла одно изъ шуранскихъ подземелій. Оно представляло небольшую комнату съ кирпичнымъ поломъ и наглухо замуравленную. Въ ней стояло тяжелое кресло у окна, выходившаго на Каму. Къ креслу была прикована молодая женщина замѣчательной красоты, съ распущенными косами. При открытіи подземелья, когда струя свѣжаго воздуха коснулась чуднаго призрака, онъ мгновенно распался. Остались одни кости и волосы. Преданіе передаетъ, что Нармацскій влюбился въ свою прекрасную сосѣдку, Доможирову. Отвергнутый ею, онъ прибѣгнулъ къ хитрости. Въ одну осеннюю, темную ночь, его дворецкій похитилъ Доможирову. Нармацскій силою хотѣлъ овладѣть своей плѣнницей. Она отвѣчала пощечиной оскорбителю, и за то поплатилась ужасно. Спустя нѣсколько лѣтъ, Нармацскій былъ сосланъ въ Сибирь, и его большое состояніе, по наслѣдству, перешло къ моей родной бабушкѣ, Надеждѣ Яковлевнѣ

---

*) См. статью профессора Пономарева „Потомокъ Нормандскихъ герцоговъ“. *Историческій вѣстникъ*. Апрель, 1882 года.

Кудрявцевой, вышедшей замужъ за Григорія Петровича Дембровскаго, и къ ея сестрѣ, Вѣрѣ Яковлевнѣ Жмакиной, супругѣ московскаго сенатора. Мое рожденіе застало дѣдушку вдовцемъ, имѣвшимъ около восьмидесяти лѣтъ. Окрестивъ меня, онъ влюбился въ дочь богатаго помѣщика, Марью Михайловну Толстую. Ей было около тридцати лѣтъ. Красивая, никого не любившая, она искала лишь выгодной партіи. Тщетно архіепископъ Казанскій Владиміръ, въ продолжительныхъ бесѣдахъ, отговаривалъ дѣдушку отъ опаснаго брака. Упрямый старикъ, въ порывахъ поздней страсти, не слушалъ голоса разума. Свадьба состоялась, а года черезъ четыре дѣдушку нашли мертвымъ въ постелѣ. Сынъ его, Григорій Григорьевичъ, возбудилъ уголовный процессъ объ удушеніи подушками отца его второю женою. Трупъ старика вырывали изъ могилы, подвергали анатомическому вскрытію, но никакихъ слѣдовъ насильственной смерти не нашли.

Какъ въ туманѣ является мнѣ переѣздъ на постоянное жительство, послѣ смерти дѣдушки, въ наше имѣніе, близъ Казани. Была жаркая, лѣтняя пора. Я и отецъ, съ лакеемъ Федоромъ на козлахъ, ѣхали въ легкой коляскѣ. Кучеръ Петръ Конгуровъ, несмотря на іюль мѣсяцъ, кричалъ на лошадей: «Ей, вы! по морозцу!» Сзади насъ, на приличномъ разстояніи, чтобы не задыхаться отъ пыли, тянулась восьмерикомъ, съ двумя форейторами старинная карета на высокихъ рессорахъ. Въ ней помѣщалась мать моя съ кормилицей и двумя сыновьями-мальчиками. На запяткахъ сидѣлъ, въ особомъ помѣщеніи, камердинеръ отца Гаврила. Поѣздъ замыкали два крытыхъ тарантаса, наполненныхъ горничными, няньками и разной дорожной провизіей.

Хорошо мнѣ жилось въ сельцѣ Тагашевѣ. Оно было дано въ приданое моей матери, женщинѣ необыкновенно умной и воспитывавшейся за границею, въ Германіи. Она искренно

поклонялась Гете и Шиллеру за грандіозность созданных ими образовъ, за ихъ высокіе порывы къ прекрасному, за ихъ могучее стремленіе къ вѣчной красотѣ и правдѣ. Она ненавидѣла Вольтера за его сухой умъ, за его насмѣшки надъ религіозными вѣрованіями человѣчества, и любила Бальзака за его глубокія знанія тайныхъ изгибовъ нашей души. Она страстно была привязана къ своему отечеству и вела горячіе споры съ Поляками о томъ, что они виноваты передъ Россіей, а не она передъ Польшею. Понятно, что ея мнѣнія и идеи незамѣтно, но прочно запечатлѣвались въ моемъ дѣтскомъ воображеніи. Я пользовался большою свободой. Нашъ гувернеръ, Петръ Васильевичъ Просвирнинъ, едва успѣвалъ окончить свои лекціи, какъ я, бывало, исчезалъ изъ классной комнаты. Моя команда состояла изъ десятковъ двухъ деревенскихъ и дворовыхъ мальчиковъ. Съ ними я отправлялся въ лѣсъ, на рѣку купаться, ловить рыбу и раковъ. Я любилъ своихъ сверстниковъ, и они меня любили. Вообще, я не помню тягости крѣпостного права. Наши крестьяне жили зажиточно. Тагашево расположено на коммерческомъ, Вятскомъ, трактѣ. Большинство крестьянъ занималось ямщицъ работой, а на барщину ставило наемниковъ. Отецъ въ этомъ не стѣснялъ мужиковъ и гордился тѣмъ, что они не тяготятся своею судьбой. Скончался отецъ въ Казани, зимою 1865 года, спустя четыре года по освобожденіи крестьянъ. Последніе выказали къ отцу трогательную признательность. Они везли тѣло своего бывшего барина на себѣ вплоть до имѣнія, на протяженіи почти сорока верстъ.

Крѣпко врѣзался мнѣ въ памяти 1848 годъ. Я находился въ пансіонѣ нѣмца Альтгофа. Въ немъ учились совмѣстно дѣвочки и мальчики дворянскихъ фамилій. Мнѣ едва минуло девять лѣтъ, но я помню, что мое сердце усиленно трепетало при видѣ хорошенькой семилѣтней Женички, дочери одного совѣтника. Это была моя первая любовь.

Альтгофъ обращался съ нами деликатно. Учился я Закону Божію, географіи, ариѳметикѣ, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. По субботамъ у Альтгофа устраивались танцевальныя вечера. Мы, дѣти, съ увлеченіемъ отплясывали подъ звуки фортепіано. Въ упомянутый ужасный годъ экзамены въ пансіонѣ почему-то замедлились; я до половины іюня оставался въ Казани. Въ ней уже царил холера, а за нею послѣдовали непрерывныя пожары. Богатое населеніе, охваченное страхомъ, бѣжало изъ города. Пустыя дома забивались наглухо ставнями; гробы, наваленныя въ безпорядкѣ одинъ на другой, безпрестанно встрѣчались на улицахъ. Умершихъ не успѣвали отпѣвать; ихъ прямо отправляли на кладбище и складывали въ общія могилы. Черныя клубы пожарнаго дыма густою пеленой окутывали кругомъ Казань; въ воздухѣ страшно пахло гарью. Пожары продолжались днемъ и ночью. Главнымъ препятствіемъ къ ихъ тушенію оказались деревянныя мостовыя, украшавшія улицы: Воскресенскую и Покровскую. Это были улицы не широкія. Отъ нестерпимаго огня загорались мостовыя и выгорали до тла. Пожарнымъ командамъ не оказалось возможности подѣзжать къ охваченнымъ пламенемъ зданіямъ. Въ описываемое время дули сильныя вѣтры. Они разметывали головни на громадное пространство. Тагашево стоитъ отъ Казани, какъ я говорилъ, въ сорока верстахъ, а на его поляхъ мы находили кучи бумагъ, конвертовъ, даже тряпокъ, принесенныхъ вѣтромъ изъ горѣвшаго города.

Холера не миновала нашего имѣнія. Въ самое короткое время въ немъ умерло до двадцати крестьянъ. Кто-то посоветовалъ отцу отслужить на поляхъ молебень при слѣдующей обстановкѣ. Съ ранняго утра въ деревнѣ никто не смѣлъ топить печки. Первый огонь добыли изъ полѣнъ, при треніи ихъ другъ о друга. На полѣ вырыли ровъ, зажгли дѣвственнымъ огнемъ по бокамъ его костры и

между нихъ проносили иконы, при пѣніи священныхъ гимновъ. Какъ ни покажется страннымъ, а со дня описаннаго событія холера въ Тагашевѣ быстро стала ослабѣвать. Но обратимся къ прерванному разсказу.

Въ это страшное и грустное время произошло торжественное открытіе памятника Державину на университетскомъ дворѣ. При открытіи памятника присутствовалъ архіерей Григорій, впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій, и губернаторъ И. А. Баратынскій, братъ извѣстнаго поэта.

Державинъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ, съ раскрытою книгой, въ правой рукѣ съ перомъ. Памятникъ имѣетъ величественный видъ. Впослѣдствіи городъ перенесъ его на одну изъ своихъ прекрасныхъ площадей.

Возвращаясь съ открытія этого памятника, я встрѣтилъ близъ церкви Покрова необычайную процессію. Тянулись двѣ телѣги, окруженныя конвоемъ солдатъ и громадною толпой. Впереди раздавались звуки барабана. На одной изъ телѣгъ лежалъ человѣкъ, покрытый рогожею; на другой находился также человѣкъ, окутанный въ тряпье. Въ народѣ слышались голоса, что это везутъ добывать двухъ разбойниковъ: Быкова и Чайкина. Оказалось, что имъ, за ихъ дѣянія, опредѣлено было военнымъ судомъ по двѣнадцати тысячъ палокъ. Половину изъ нихъ они получили, но остались живы. Теперь ихъ ожидала новая казнь. Я послѣдовалъ за войсками. Разбойниковъ наказывали на Арскомъ полѣ. Хотя оно обширно, но на одной сторонѣ его расположенъ Родіоновскій Институтъ для благородныхъ дѣвицъ. Удивительно, что городское начальство не приняло въ соображеніе приведеннаго факта. Быкова и Чайкина жестоко истязали. Солдаты были разставлены въ двѣ линіи, рѣдко другъ отъ друга, и наносили ударъ палкой преступникамъ съ разбѣгу. Ихъ везли на маленькихъ тѣлѣжкахъ между строемъ, и спины ихъ представляли одну сплошную окровавленную, вспученную массу.

Казню распоряжался полковникъ Корейшъ, взыскивавшій строго съ солдатъ за слабые удары. Въ толпѣ увѣряли, что Быковъ умеръ на девятой тысячѣ палокъ, но его и мертвого били до узаконенной мѣры. Оба преступника настолько оставили по себѣ въ губерніи страшную память, что скелеты ихъ поставлены на вѣчныя времена въ Анатомическомъ музеѣ университета, гдѣ любопытные и теперь ихъ могутъ видѣть. О жизни Чайкина и Быкова слагались цѣлыя легенды. Они разбойничали нѣсколько лѣтъ, преимущественно въ предѣлахъ Лаишевскаго уѣзда и частью въ Чистопольскомъ. Говорятъ, что Быковъ былъ человѣчнѣе Чайкина. Въ одномъ лѣсу онъ встрѣтилъ священника, ѣхавшаго съ дарами, и подошелъ къ нему. Указывая на большой дубъ, стоящій близъ дороги, онъ сказалъ представителю церкви:

— Служи подь нимъ молебенъ!

Священникъ, не зная, съ кѣмъ имѣеть дѣло, отказалъ странной просьбѣ прохожаго. Тогда разбойникъ воскликнулъ: «Я Быковъ!» Священникъ при этихъ словахъ чуть не умеръ отъ страха. Оправившись, онъ исполнилъ желаніе Быкова. Тотъ усердно молился и щедро заплатилъ за молебенъ. Полиція цѣлыя годы разыскивала разбойниковъ. Они отлично гримировались и являлись открыто по торговымъ мѣстамъ губерніи. Увѣряютъ, что Быковъ, узнавши, что исправникъ поскакалъ его куда-то ловить, нарочно постарался съ нимъ встрѣтиться въ глухомъ, лѣсномъ мѣстѣ. Онъ шелъ съ боку большой дороги въ костюмѣ скромнаго, рабочаго мужика. Исправникъ остановилъ его вопросомъ:

— Не слыхалъ ты что-нибудь о Быковѣ и Чайкинѣ? Гдѣ они? Только бы мнѣ удалось ихъ поймать, я оставилъ бы имъ по себѣ память.

Мужичокъ свистнулъ. Неожиданно изъ лѣсу вышло десять вооруженныхъ человѣкъ. Исправникъ поблѣднѣлъ, а Быковъ, снявъ вѣжливо шапку, сказалъ: